П. И. Яничев

ПСИХОЛОГИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ВРЕМЕНИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Психология времени, или хронопсихология, до сих пор остается наименее исследованной областью. Отражение и переживание времени является системным процессом, проявляющимся на всех уровнях организации психики — от сенсорики до личности. В статье проанализированы проблемы адаптации во времени, личностной временной ориентированности, представленности категории времени в основных психологических парадигмах; введено понятие хроносинтеза как процесса, формирующего временную идентичность личности. Личность понимается как система временных состояний, как интеграция субъективного прошлого, настоящего и будущего.

P. Yanichev

THE PSYCHOLOGY OF REFLECTION AND EMOTIONAL EXPERIENCE OF TIME: CURRENT ISSUES

The psychology of time, or chronopsychology, is still the least researched sphere. The reflection and emotional experience of time is a systemic process which occurs at all levels of psyche organization, from sensory to personality. The problems of adaptation in time, personal temporal orientation, the representation of the category of time in the main psychological paradigms are analyzed; the concept of chronosynthesis is introduced as a process forming the time identity of personality. The personality is described as a system of temporary conditions, as an integration of the subjective past, present and future.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что до сих пор процессы и механизмы отражения времени остаются недостаточно изученными, феноменология весьма разнообразна и крайне противоречива. Столь же противоречивы и употребляемые понятия, как правило, переносимые из области отражения пространства. В отражении пространства имеет место специализация анализаторов (от осязания до зрения), отражение же времени носит «размытый», неопределенный, «общеорганизменный» характер, если так можно выразиться.

По-прежнему справедливым остается замечание Гегеля о том, что «нет *науки о времени* наряду с *наукой о пространстве*, с *геометрией*. Различия времени не обладают тем характером *равнодушия* друг к другу, который и составляет непосредственную определенность пространства; они поэтому не способны составлять фигураций, подобно различиям пространства»[1].

Время появляется для человека тогда, когда возникает «пауза» между потребностью и возможностью ее удовлетворения. Субъективная длительность является мерой отсроченности желаемой цели. Система потребностей становится все более сложной, усложняются взаимоотношения человека со временем. Отражение и переживание времени оказываются неизбежно обусловленными потребностно-мотивационной сферой личности и носят уровневый характер.

Наше понимание специфики отражения и переживания времени мы обозначили как адаптационный подход. Эти процессы, как, впрочем, и все остальные психические процессы, следует, в первую очередь, рассматривать как обеспечивающие более совершенный уровень адаптации. При этом адаптация ко времени и во времени является, на наш взгляд, первичным процессом.

Оставаясь в рамках естественно-научной парадигмы, необходимо рассматривать психику как некоторое качество живых организмов, возникшее на определенном эволюционном этапе и обеспечивающее более эффективный способ и уровень адаптации в изменяющемся и усложняющемся мире.

Раздражимость как свойство живых (допсихических) систем представляет собой способность активно реагировать на биологически значимые (вредные или полезные) воздействия извне. В процессе эволюции возникла необходимость *предвосхищать, предвидеть, предупреждать* биологически значимые воздействия. По сути дела, предвосхищение есть *опережение* во времени и, как частный случай, в пространстве.

Чувствительность как свойство живых психических систем есть способность активно реагировать на биологически нейтральные стимулы, являющиеся медиаторами (посредниками) между субъектом и биологически значимым объектом вовне. Но эта способность реагировать на сигнал (медиатор) и является предвосхищением. Следовательно, чувствительность фактически представляет собой способность взаимодействовать с внешним миром с опережением.

Но предвосхищение в случае психического отражения невозможно без «сохранения» прошлого, т. е. без способности «удерживать» периодически возникающие ассоциации между определенными воздействиями, некоторые из которых биологически важны, а другие являются потенциальными сигналами. Это свойство психического отражения есть память.

Память является необходимым фундаментом всех других психических процессов. В этом смысле можно говорить о памяти как о первичном психическом процессе, позволяющем «накапливать» следы прошлого и проецировать их в будущее.

Развитие психики идет в направлении расширения и дифференцирования пространственно-временного поля.

Причем, если в отношении пространства реальное «освоение» и контроль осуществляются посредством физического движения, локомоции, то в отношении времени его «освоение» является исключительно психическим. Когнитивные процессы, собственно, и осуществляют «передвижение» во времени.

В психическом времени «преодолевается» фундаментальное качество физического времени — его необратимость. Обратимость психического времени является фундаментальным свойством работы психики в целом, причем, как отмечает Л. М. Веккер: «...свойство обратимости психического времени на сенсорном уровне представлено в минимальной форме. Дальнейшее свое становление обратимость, по-видимому, получает именно в ходе психического развития. Можно даже предположить, что формирование этого свойства, его развитие и усиление,

доведение до максимально возможных форм составляет одну из главнейших характеристик психического развития»[2].

Обратимость психического времени до некоторой степени разрешает «роковую предопределенность» существования человека в физическом мире, которую М. С. Каган сформулировал следующим образом: «Если по отношению к пространству человек ощущает свою власть, хотя и не изначально данную, но прогрессивно нарастающую и — в принципе и в перспективе — безграничную, то над временем он не властен и вряд ли может рассчитывать на то, что оно когда-либо станет ему подвластным»[3].

П. К. Анохин, выражая суть своего системного подхода в понимании биологических (и психологических) систем, писал, что эволюция, начавшаяся с примитивного протоплазматического «предсказания», усовершенствовала этот процесс в материальных явлениях мозга до такой степени, что «*мозг стал органом, который в каждый момент своей деятельности сочетает в себе прошлое, настоящее и будущее*»[4]. Действительно, есть все основания трактовать *условный рефлекс* (как принцип) в общем виде, *как сочетание прошлого* (накопленные в опыте устойчивые, повторяющиеся причинно-следственные схемы), *настоящего (*реализация адекватного поведения) и *будущего* (формирование предполагаемого приспособительного поведения).

Далее рассмотрим основные формы психической презентации времени.

Время, как нам представляется, психически актуализируется в двух формах — в отражении и в переживании. Попробуем дать определение этим двум понятиям, их специфичности применительно ко времени.

Отражение есть процесс, посредством которого «принимаются», «усваиваются» существенные характеристики объектов внешнего мира.

В таком понимании отражение соответствует процессу аккомодации, по Ж. Пиаже[5]. Отражение есть подчинение субъекта объективной внешней реальности, более или менее точное воспроизведение внешнего мира.

Мы отдаем отчет в том, что многие психологи, включая и отечественных, понимают психическое отражение не просто как «отражение».

С. Л. Рубинштейн писал: «Отражение надо толковать не как дублирование, копирование, а как рефлектирование в другое, т. е. как явление другому. Это значит, что само отражение выражается в онтологических категориях явления бытия для другого»[6].

Так, Б. Ф. Ломов, определяя специфику психического отражения, указывал: «Было бы наивно представлять себе человеческий мозг как простое зеркало, в котором шаг за шагом, точка за точкой воспроизводится все, что действует на органы чувств. Субъективное отражение неизбежно связано с преобразованием информации, поступающей извне, соответственно позиции, которую занимает носитель образа». (Понятие «позиция» здесь употребляется в широком смысле: имеется в виду позиция и в физической, и в биологической, и в социальной системах.)[7] Но всякий раз молчаливо подразумевается, что первичным все-таки является отражение внешнего воздействия, и это представляется абсолютно правильным, иначе нечего было бы преобразовывать, трасформировать. Но вместе с тем, психическое отражение несет в себе «субъективность», т. е. в психический образ привносится «нечто» отличное от формы и содержания самого внешнего объекта. И это субъективное «нечто» может в большей или в меньшей степени изменять психическую презентацию объекта.

Естественно возникает вопрос: это изменение есть, в строгом смысле, неточность, искажение, неправильность или же

это изменение является необходимым, закономерным и, в итоге, повышающим степень адекватности психического образа объекта?

Как это не покажется странным, но «неточности» как раз способствуют большей адекватности, достоверности, реалистичности формируемых образов. По аналогии с ситуацией формирования константности психических образов. Фактически при константности по величине имеет место искажение оптической реальности, но искажение дает реалистичность, достоверность отражаемого объекта. Если для пространственного отражения это оказывается «незамечаемым» в силу «правильности», то относительно отражения времени это совсем не очевидно. Ошибочность отражения времени часто оценивается именно как ошибочность, неправильность. Но это преобразование, которое приводит к ошибочности оценок времени, как раз и представляет, с нашей точки зрения, совершенно другой процесс. А именно — процесс переживания, органически дополняющий процесс собственно отражения.

Переживание есть процесс преобразования отражаемых характеристик объектов в соответствии с субъективными факторами. Этот процесс аналогичен ассимиляции, по Ж. Пиаже, который по этому поводу указывал: «Граница между субъектом и объектом никоим образом не установлена наперед и, что еще важнее, не является стабильной. В самом деле, во всяком действии смешаны субъект и объект. Конечно, субъект нуждается в объективной информации, чтобы осознать свои собственные действия, но он также нуждается и во многих субъективных компонентах. Без долгой практики или построения рафинированных инструментов анализа и координации он не может понять, что принадлежит объектам, что принадлежит ему самому как активному субъекту и что принадлежит самому действию, взятому как трансформация начального состояния в конечное. Источник знания лежит не в объектах, не в субъекте, а во взаимодействиях — первоначально неразделимых — между субъектом и этими объектами»[8].

Используя понятие «переживание» в более широком смысле, С. Л. Рубинштейн писал: «Сознание конкретного реального индивида — это *единство переживания и знания*. Осознание переживания, таким образом, всегда и неизбежно — не замыкание его во внутреннем мире, а соотнесение его с внешним, предметным миром»[9].

Разграничение этих двух понятий возможно в терминах описания целеустремленных систем, функционирование которых определяется двумя факторами (стратегиями): степенью воздействия на систему (индивида) со стороны окружения (чувствительность к окружению) и степенью его (индивида) воздействия на окружение (эффективность воздействия на окружение). В отражении пространства мы более объективны, в отражении и переживании времени — более субъективны. Как указывал еще В. Вундт: «Временные представления ...составляют в известном смысле посредствующие звенья между двумя главными классами психических явлений, и именно между представлениями и эмоциональными движениями. К представлениям они принадлежат частью благодаря непосредственному отношению к ощущениям как своему содержанию, а при посредстве этих ощущений — к внешним объектам и процессам. К области эмоциональных движений они примыкают потому, что чувства являются существенным фактором ощущений этого порядка. Восприятие времени и в этом смысле гораздо субъективнее пространственного восприятия потому, что оно несравненно более изменчиво в субъективных условиях…»[10].

Итак, *переживание времени* — это преобразование структуры и метрики объективного времени в субъективную собственно психическую структуру и метрику под влиянием актуальных (стабильных и ситуативных) субъектно-значимых факторов (внутренних и внешних), обеспечивающее не только *объективную*, но *субъективную адаптацию*.

Последнее понятие нуждается в пояснении. Ранее употребляемое нами понятие ассимиляции есть преобразование объектов (или образов объектов) в соответствии с существующими у субъекта схемами. Применительно к переживанию времени дело обстоит таким образом, что оно, строго говоря, не является объектом, и его преобразование не является объективным: оно субъективно.

Понятие субъективной адаптации совпадает с употребляемым Ж.-П. Сартром[11] понятием *«магического преобразования»*. Суть «магического преобразования» заключается в субъективном (в сознании) преобразовании «непереносимой» ситуации в ситуацию «желаемую». Этот механизм Ж.-П. Сартр считает основным в эмоциональной переработке воспринимаемого мира. Эмоции, в отличие от когниций, и есть переживание, а не отражение. Ну, а эмоции — это как раз тот наиболее часто упоминаемый субъективный фактор, определяющий искажение метрики объективного времени.

Таким образом, отражение и переживание времени являются двумя компонентами единого процесса. В норме они оказываются едиными, в случаях патологии можно наблюдать их «расщепление».

В частности, С. Л. Рубинштейн приводит пример с нарушением отражения и переживания времени у больных шизофренией, у которых, с одной стороны, — искаженное непосредственное переживание течения времени, с другой — сохранившаяся нормальная, правильная, опосредованная ориентировка во времени. Здесь мы имеем выразительный случай в буквальном смысле расщепления («шизофрения» буквально переводится как «расщепление мозга») объективного и субъективного компонентов, отражения и переживания.

Некоторая «расщепленность» нередко имеет место и в норме, когда отчетливо осознается различие между объективным (отражаемым) временем и временем субъективным (переживаемым). Нам представляется, что собственно *сознание и есть механизм, согласовывающий и «расщепляющий» отражаемое и переживаемое.* Остановимся на этом подробнее.

Сознание как особое психическое явление по-прежнему является центральной загадкой психологии. Столь очевидное для каждого, оно практически не формализуемо. Определения в основном являются не более чем тавтологией. Тогда же, когда сознание наделяют некоторыми свойствами и функциями, последние, как правило, лишь «заслоняют», а не «заполняют» смысловой вакуум понятия «сознание». Тем не менее, одна из характеристик, представленная во многих определениях, — это диалогичность, полярность, или даже амбивалентность, — является символичной. Это качество (или свойство) указывает на «разделенность» сознания, что является условием его представленности, презентированности. Сознание — как диалог с самим собой, как противопоставление самому себе, как конфликт с самим собой.

В отечественной психологии справедливо указывается на социальное происхождение сознания, сознание (и соответственно личность) есть интериоризованная форма внешних общественных отношений. Сознание — это усвоенный и присвоенный социальный опыт. И с этим, безусловно, можно согласиться. Но это только одна сторона «диалога» сознания. Вторая же часть — экстериоризованная форма аутичных отношений.

Интересно, что часто сознание понимают как «происходящее» извне, но индивидуальный опыт явным образом указывает на обратное, сознание «проявляется» при погружении внутрь, при изоляции от внешнего мира. Поглощенность же внешним миром «растворяет» сознание.

Сознание есть компромисс и/или синтез внешнего и внутреннего. Процесс осознания (осознавания) означает «встречу» объективно отражаемого, принимаемого извне, и субъективно переживаемого, проецируемого изнутри.

Слияние же, смешение отражаемого и переживаемого, внешнего и внутреннего, есть бессознательное в широком смысле слова. Бессознательное есть неспособность различать объективное и субъективное, внутренний мир и внешний, реальное и аутичное. Интересно, что, по З. Фрейду, бессознательное — вне времени.

Нам близка модель сознания, предложенная А. Р. Лурия, согласно которой сознание есть процесс *удвоения* внешнего мира. Правда, надо сказать, что А. Р. Лурия главную роль в «удвоении» отводил речи. «Слово удваивает мир и позволяет человеку мысленно оперировать предметами даже в их отсутствии»[12]. В результате удвоения возникает не только внешний, объективный, отражаемый мир, но и мир внутренний, субъективный, переживаемый. Но удвоение — это и есть, как раз, тот процесс, который приводит к тому, что описано как диалогичность. Уместно здесь обратиться к феномену «зеркала» — к акту узнавания ребенком себя в зеркале. Французский психоаналитик Ж. Лакан[13], придавая этому феномену особое значение, выделял даже стадию «зеркала». Проявление этого феномена, по его мнению, можно считать индикатором возникновения сознания. Ребенок обнаруживает две реальности, два мира. И их «разделенность» и «соединенность» одновременно. Ребенок обнаруживает себя как некоторую объективность (Я-в-зеркале) и как некоторую субъективность (Я-видящий себя-в зеркале).

Мы сделали некоторое отступление для того, чтобы отчетливее показать роль времени в формировании сознания. Отражение и переживание времени являются как раз теми процессами, при которых это разделение и удвоение мира и себя происходит.

Феномен «зеркала» является пространственной презентацией и индикатором формирующегося сознания. Он завершает собой длительный процесс «принятия» мира как мира «разделенного».

Первоначально этот процесс имеет «временную» природу. «Разделенность» мира возникает в результате «разделения» моментов возникновения и удовлетворения потребности. Окружающий мир начинает «длиться», обретает временную протяженность. И, одновременно, возникает внутренняя, субъективная протяженность, Я обретает целостность во времени отличную от внешней, но соотносимую с нею, объективной целостностью. Собственно, переживание времени есть переживание «разделенности» внешнего и внутреннего времени.

Интересно, что во многих европейских языках этимология слова «время» означает «деление, разделение». Нам представляется, что такое смысловое сходство не является случайным. «Время» — это процесс разделения не только некоторой длительности, но и разделение на «субъективность» и «объективность», переживаемое и отражаемое.

Далее рассмотрим, какие же, собственно, свойства психического времени в его отражаемой и переживаемой ипостасях можно выделить. В психологии обычно рассматривают проблему времени в аспекте тех свойств, которые можно обозначить как динамические свойства.

К динамическим свойствам относят: длительность, последовательность (одновременность) и темп.

1. *Последовательность* (одновременность) есть объективированный компонент отражаемого времени, содержание которого определяется характером взаимоотношений событий наступающих вовне. Последовательность презентируется с количественной и качественной стороны. Количественная, например, определяется частотой событий, качественная же обусловлена причинно-следственными связями между отражаемыми событиями. Одновременность представляется одним из вариантов последовательности, когда события «удерживаются» в субъективном настоящем и интегрированы в целое. Одновременность есть аналог пространственной смежности.

2. *Темп,* на наш взгляд, является еще одной количественной характеристикой такого динамического свойства как последовательность, которая заключается в отражении количества изменений в единицу времени.

3. *Длительность* же есть, собственно, переживаемый компонент времени, определяемый как внутренними переменными — взаимоотношением (количественным и качественным) наступающих во внутреннем плане событий, так и внешними переменными. Длительность, с такой точки зрения, есть «продукт» взаимодействия человека с внешним миром. Длительность первоначально переживается как мера «отсроченности» желаемого состояния (момента удовлетворения потребности, достижения цели, наступления разрядки, «завершения» гештальта). Последовательность есть отражение «цепи событий» от исходного состояния до конечного, итогового. Между этими двумя компонентами имеет место естественная и необходимая связь. Но эта связь не означает тождественности. Длительность воплощается в последовательности событий. Последовательность же событий «начинает» длиться.

Ж. Пиаже отрицал первичность «интуиции времени» (ощущения времени). Отвечая на вопрос А. Эйнштейна о соотношении времени, скорости и пространства, Ж. Пиаже указывал, что время является производным от двух других переменных. Нам представляется, что переживание длительности является рядоположным со скоростью и пространственной протяженностью и возникает на самых ранних этапах онтогенеза. Переживание длительности часто имеет место при отсутствии пространственных и событийных изменений. Последние являются необходимым, но недостаточным условием возникновения «интуиции времени». Не только наблюдение за движущимися водами реки «порождает» представление времени, что стало избитой метафорой, но и неподвижная дорога есть «путь времени», на преодоление которого требуется именно время. Нами специально было предпринято исследование наличия отражения-переживания длительности (первичной «интуиции времени») на самых ранних этапах онтогенеза.

Под структурными свойствами времени мы понимаем такие свойства, которые, с одной стороны, представляют отражаемые свойства физического (объективного) времени, а с другой — переживаемые субъектом. Структурными назвать их нам представляется уместным потому, что они характеризуют устойчивые особенности времени.

Причем, описание выделяемых нами структурных свойств основывается на выделении объективного (отражаемого) и субъективного (переживаемого) полюса времени, т. е. времени физического мира и мира психологического.

1. *Непрерывность — прерывность*.

Это свойство характеризует объективное (физическое) время как некоторое постоянное, неизменное «течение», из-

менение. Как неизбежное наступление закономерных и ожидаемых событий. Непрерывность объективного времени означает невозможность «приостанавливать» его и перемещаться по оси времени, «минуя» некоторые временные точки и позиции. Непрерывность в таком понимании становится органически связанной, и это закономерно с необратимостью и, как следствие, приобретает качество «фатальности».

Но субъективно переживаемое время позволяет «прервать» ход времени. И это не метафора. В этом состоит одна из существеннейших функций психического способа адаптации. Свобода «перемещения» по оси психического времени фактически означает прерывность времени, способность оказываться в разных точках, не следуя объективному течению времени.

2. *Объективированность — субъективированность*.

Это свойство, «порождаемое» взаимодействием человека с внешним миром. Его следовало, видимо, вынести в начало списка структурных свойств времени. Время как цепь событий, как смена дня и ночи, как наступление и повторение повседневных дел имеет объективную обусловленность. Это свойство соотносимо с динамическими характеристиками длительности и последовательности. Включенность в активное взаимодействие с внешним миром, «поглощенность» деятельностью означает «включенность» в объективный внешний темп и ритм, принятие и зависимость от них. Отчужденность от внешнего мира, обращенность в себя, по сути дела, означает ориентацию на собственное время, а следовательно, субъективированность. В этом случае субъективное время проецируется вовне, при объективированности — наоборот, имеет место интроецированность.

3. *Необратимость — обратимость*.

Это, пожалуй, — центральное свойство, и эта «центральность» определяется максимальной субъективной значимостью.

В онтогенетическом аспекте формирование понятия необратимости времени есть осознание однонаправленности развития событий, невозможности «возврата» в прежнее, исходное состояние. Нельзя вернуться в прошлое, нельзя вернуть вчерашний день, нельзя стать моложе, нельзя переделать прошлое. Нам представляется, что понимание необратимости времени ребенком осложняется тем, что необходимо не отождествлять его с цикличностью внешних изменений (дня и ночи, например).

Актуальность перехода от фактической необратимости времени к его психической обратимости, на наш взгляд, совершенно отчетливо отражена в «вечной» литературной теме — «машине времени» и «путешествий во времени».

4. *Универсальность — локальность*.

В данном случае, речь идет об универсальном, «одинаковом» времени для живых и неживых организмов, для людей разного возраста и статуса, о подчинении их жизнедеятельности единой шкале времени. Естественно, что такое понимание имеет прямое отношение к объективированности—субъективированности. Но есть и отличие. Время может быть объективно порождаемым, но разным в разных местах и для разных людей. Переход от локальности времени (как «привязанности» к определенному объекту собственной шкалы времени) к универсальности (как единой шкале) имеет прямое отношение к закономерному переходу от эгоцентризма к децентрации. Можно вспомнить, что аналогичная тенденция имела место и в историческом развитии категории времени — переход к единому времени. Правда, с появлением специальной теории относительности появилась формальная возможность говорить о локальном времени.

Далее мы рассмотрим понятие времени в более широком контексте — как «включенность» категории времени повлияла на формирование различных психологических направлений.

Традиционно сложившиеся психологические направления можно достаточно отчетливо соотнести с различно ориентированными во времени моделями личности. Вольно или невольно теоретические положения той или иной школы выводимы из их «направленности» в прошлое, настоящее или будущее личности.

Действительно, *классический,* или *ортодоксальный, психоанализ* является ориентированным в прошлое личности. Образцовой психоаналитической моделью являются больные истерическим неврозом: «рамка» картины патологии заключена в фиксации, в возврате и повторении личного прошлого, раннего детского опыта. Но не только личного прошлого. *Хроноцикл (как динамическая интеграция временных состояний)* такой личности имеет своей доминантой личное *прошлое*, и актуальное настоящее является лишь его проекцией, тенью.

В *аналитической психологии К.-Г. Юнга*[14] личность в еще большей степени оказывается «привязанной» не только и не столько к индивидуальному личному прошлому, но к историческому, мифологическому архетипическому прошлому.

Система архетипов как универсальных внеличностных моделей реализации жизненного пути задает направление в развитии личности. Индивидуальная психика является своеобразным экраном, на который, более или менее явно, проецируется коллективное бессознательное.

С. Гроф[15], представитель трансперсональной психологии, корнями уходящей в психоанализ, дает своеобразную трактовку обусловленности психики человека и многие из переживаний считает возможным интерпретировать как историческую регрессию в биологическое, культурное или духовное прошлое.

В психоаналитически ориентированной концепции трансактного анализа *Э. Берна* личностному прошлому отводится тоже существенная роль: в раннем детстве формируется система жизненных сценариев, схем межличностных взаимодействий (трансакций). Так, Э. Берн пишет: «Каждый человек еще в детстве, чаще всего бессознательно, думает о своей будущей жизни, как бы прокручивает в голове свои жизненные сценарии»[16]. Сценарий — это постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется, как мы уже говорили, еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Причем, сценарии формируются отнюдь не целенаправленно со стороны родителей, это может быть абсолютно стихийный и неконтролируемый процесс. Преобразование этих жизненных сценариев возможно посредством применения специальных психотерапевтических техник. Интересно, что роль прошлого понимается как «подготовка» к будущему. И тогда можно сказать, что прошлое «пронизано» будущим, и — наоборот. Действительно, не только есть игры детей во взрослых как «проживание» будущего в настоящем, но и игры взрослых в детей как «проживание» прошлого в настоящем.

В эпигенетической теории Э. Эриксона[17] периодизация личностного развития в значительной части заимствована у З. Фрейда, но по-иному интерпретирована и дополнена. И, это необходимо отметить, принципиально возможно преодоление кризисов-проблем, оставшихся нерешенными на ранних стадиях развития, и собственно «отрыв» от них. Сколь бы драматичными ни были события прошлой жизни, сколь бы неверными ни были «выборы пути» на ранних стадиях развития, принципиально возможно «ис-

правление ошибок и заблуждений» всякий раз, когда личность оказывается к этому готовой.

Однако в *индивидуальной психологии А. Адлера*[18], которую можно все-таки считать одним из вариантов психоанализа, временная направленность личности, на первый взгляд, диаметрально меняется — личность оказывается ориентированной в будущее. Но в то же время А. Адлер настаивает на исключительной важности раннего детского опыта, обусловливающего формирование жизненного стиля личности.

В *бихевиоризме* упор делается на актуальном настоящем, на рассмотрении личности «здесь-и-теперь». Личность есть не более чем система стимульно-реактивных образований, основанных на опыте, но опыт не является жестко фиксированным, неизменным, он отвергается в изменившихся условиях, формируется новая система взаимодействия с внешним миром. Поведение человека оказывается функцией от актуальных, более или менее устойчивых ситуаций. В *гештальт-психологии* прошлое сфокусировано в настоящее, оно реализовано в актуально сформированном жизненном поле и, одновременно, автоматически «подразумевает» выводимое из него будущее (*К. Левин*)[19].

Категоричной относительно роли настоящего является позиция основателя гештальт-терапии *Ф. Перлза*[20]**,** который настаивал на том, что наиболее адекватным режимом функционирования личности является «погружение в настоящее», экстраполяции же в прошлое и будущее приводят к невротическим переживаниям.

Для классического бихевиоризма «достоверной» и адекватной реальностью является совершающееся в данный момент поведение. *Хроноцикл* в такой модели имеет своей доминантой *актуальное настоящее*.

В *теориях гуманистического направления,* так или иначе, хотя бы потому что они появились как реакция на психоанализ, акцентируют внимание на формировании целевых структур личности на будущее. Так, например, у *К. Роджерса*[21] своеобразным ориентиром, достижение или приближение к которому в будущем является основным механизмом, является Я-идеальное. Личность в данном случае есть путь от Я-реального к Я-идеальному. *Хроноцикл* личности здесь заключен в *доминировании будущего*. Прошлое и настоящее оцениваются как прелюдия, подготовка к наступлению истинного, реального состояния Я. Весьма точно иллюстрирующим такую модель личности является высказывание Ларошфуко: «Я есть то, кем я стану в будущем».

Согласно Г. Оллпорту, который весьма критически относится к психоаналитическому толкованию сущности личности, «мотивы прошлого не объясняют ничего, если они не являются также и мотивами настоящего». И далее: «Концепция функциональной автономии означает, что мотивы зрелой личности не определяются прошлыми мотивами. Прошлое есть прошлое — ничто с ним не связывает. Иными словами, причины, по которым взрослый человек ведет себя так или иначе, не зависят от того, какие причины изначально побудили его к такому поведению. По Оллпорту, личность свободна от прошлого — связи с прошлым исторические, а не функциональные» (Л. Хьелл, Д. Зиглер)[22].

Совершенно определенно развитие личности связывается с актуализацией личности в будущем в экзистенциализме Ж.-П. Сартра. Можно даже сказать, что человек есть его будущее. Человек изначально представляет собой «проект», который предстоит осуществить в будущем. Ж.-П. Сартр пишет: «…мы хотим сказать, что человек, прежде всего, суще-

ствует, что человек — существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек — это, прежде всего, проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия»[23]. Человек оказывается ответственным за то, кем он станет — он свободен в выборе. Но это и составляет экзистенциальность проблемы — проблему восхождения к эссенции. Такое понимание личности мы считаем психологически точным и корректным.

Таким образом, основные психологические парадигмы XX века оказываются связанными с тем, какая роль отводится прошлому, настоящему и будущему, в которой из этих трех ипостасей находится «отправная точка» развития человека. Это, вне всякого сомнения, представляет актуальнейшую проблему для психологии развития в целом. Мы не случайно ввели термин «хроноцикл» — буквально: «круг времени или кольцо времени». Личность оказывается в «кольце времени», у которого, как известно, «начала нет и нет конца». Физическое время линейно и необратимо, психологическое же — обратимо и циклично. И, по мере онтогенетического совершенствования, увеличивается «радиус» этого «кольца времени» — человеку оказывается доступным все больший охват как прошлого, так и будущего. Но, тем не менее, всякий раз в этом «кольце времени» выделяется доминанта, или, точнее, с образной точки зрения, некоторый сектор с большей или меньшей площадью в «круге жизни».

Необходимо отметить еще одну особенность или даже фактор, определяющий закономерность возникновения именно этих психологических парадигм. Последние знаменуют собой изучение человека с позиций лишь одного из компонентов классической психологической триады. Достаточно традиционным является деление всего множества психических явлений (процессов, состояний и свойств) на три класса: когнитивные, эмоциональные и регулятивные (ум, чувство и воля). Действительно, упрощая (но это упрощение не искажает реальную картину), можно построить следующую схему. Психоанализ, в первую очередь, изучал Человека эмоционального (чувствующего, переживающего), суть психодинамики которого составляет преобразование энергетически заряженных аффектов. Бихевиоризм ставил своей задачей изучение «Человека действующего (поступающего, управляющего поведением)». Все происходящее «внутри» человека, а следовательно, его чувства и мысли, не брались в расчет. В гуманистической и, что особенно выразительно, в когнитивной психологии в центре внимания оказывается «Человек думающий (размышляющий, анализирующий)». Основными становятся когнитивные процессы, именно они определяют качество функционирования личности.

Такое «положение», сложившееся в психологии XX века, можно было бы описать следующими обиходными выражениями: «человек чувствует одно, думает другое, а поступает по третьему варианту». Но это все же один и тот же человек — одновременно и чувствующий, и думающий, и поступающий. И в этом случае три основные парадигмы, понимаемые также и через временную ориентированность, оказываются дополняющими друг друга. Их синтез дает полную — «триединую» — картину.

В завершение следует указать, что возможно сопоставление, которое само напрашивается, «времен» и компонентов классической психологической триады. Поведение есть то, что осуществляется в настоящий момент; интеллект, в своем

развитии, есть прогнозирование, «заглядывание» в будущее; чувства же «удерживают» нас в прошлом и прошлое в нас.

Помимо такой скрытой временной ориентированности некоторых психологических теорий, имеют место самостоятельные классификации ориентации личности во времени. Мы не будем сейчас на них останавливаться. Представим нашу позицию, которая в определенной степени аккумулирует имеющиеся подходы.

В настоящий момент представляется необходимым наметить темпоральную типологию личности по трем следующим параметрам:

1. Собственно *структура временной направленности* — доминирование одного из компонентов личностного времени (прошлого, настоящего или будущего) либо сформированность равновесного хроноцикла.

2. *Фиксация позитивная или негативная* — как показали наши исследования, собственно временная направленность независима от знака, т. е. ориентированность в прошлое может быть эмоционально позитивной или негативной.

3. *Реальность, или имажитивность, временных состояний личности* — ориентированность, например, в прошлое может осуществляться либо в имажитивном плане (воспоминания), либо в реальном плане поведения (инфантилизм, реактивный регресс). Ориентированность в будущее в имажитивном плане проявляется в нереалистических мечтах и грезах, в невыполнимых проектах, в реальном же плане — в конструктивных, реально достигаемых планах.

Формально сочетание этих трех параметров позволяет выделить 12 временных типов личности.

Условно обозначим параметры следующими символами:

- П — ориентация в прошлое;
- Н — ориентация в настоящее;
- Б — ориентация в будущее;
- «+» — позитивная фиксация;
- «–» — негативная фиксация;
- Р — реальность;
- И — имажитивность.

1. П+И — «вспоминающий»: положительная фиксация на прошлом в воображаемом плане.

2. П–И — «сожалеющий»: отрицательная фиксация на прошлом в воображаемом плане.

3. П+Р — «инфантильный»: положительная фиксация на прошлом в реальном плане.

4. П–Р — «истероидный»: отрицательная фиксация на прошлом в реальном плане.

5. Н+И — «фантазирующий»: положительная фиксация на настоящем в имажитивном плане.

6. Н–И — «фобический»: негативная фиксация на настоящем в воображаемом плане.

7. Н+Р — «реалистичный»: положительная фиксация на настоящем в реальном плане.

8. Н–Р — «депрессивный»: отрицательная фиксация на настоящем в реальном плане.

9. Б+И — «мечтающий, оптимистичный»: положительная фиксация на будущем в воображаемом плане.

10. Б–И — «тревожный, пессимистичный»: негативная фиксация на будущем в воображаемом плане.

11. Б+Р — «пассионарный»: позитивная фиксация на будущем в реальном плане.

12. Б–Р — «деструктивный»: негативная фиксация на будущем в реальном плане.

Необходимо отметить, с нашей точки зрения, важное положение о том, что описанные типы могут быть поняты и как элементы временной целостности (интегральности) личности. Каждая конкретная личность есть система этих 12 элементов, часть которых является ус-

тойчивой и доминантной, другая — актуализируется под влиянием внешних факторов. То есть временная целостность личности может быть представлена как стабильной, жесткой системой, так и подвижной, гибкой.

Личность представляет собой систему субъективных и объективных моделей: Я-прошлое, Я-настоящее и Я-будущее. Формирование идентичности, целостности личности обеспечивается посредством интегрирования всего многообразия актуальных состояний, состояний прошлого опыта и предвосхищаемых состояний в будущем. «Наш *характер*, всегда наличный при всех наших решениях, есть как раз действительный синтез всех наших прошлых состояний. В этой сгущенной форме наша прежняя психическая жизнь существует для нас даже больше, чем внешний мир: мы всегда воспринимаем лишь ничтожную часть этого последнего и, наоборот, утилизируем всю совокупность нашего пережитого опыта» (*А. 3. Бергсон*)[24].

Целостность Я достигается вследствие динамичного взаимодействия всех элементов временного поля. Имеет место возрастная и индивидуальная вариативность структурирования отражаемого и переживаемого времени. *Хроносинтез* — процесс структурирования временных процессов, состояний и ориентаций личности. Так, есть основания считать, что структура субъективно представленного прошлого-настоящего-будущего (в дальнейшем П–Н–Б) имеет семикомпонентное строение (магическая семерка) и соответствует пропорции 2:4:1. То есть субъективно значимое *временное поле* включает более всего «настоящего», в два раза меньше — «прошлого» и еще меньше — «будущего». Система психических процессов направлена на создание этого временного поля. Так, сенсорно-перцептивные процессы актуализируют настоящее, память преодолевает необратимость времени посредством «возврата» прошлого в настоящее. Мышление же есть преодоление еще не реализованной необратимости — предвосхищение будущего. Фактически психическое временное поле человека есть субъективная актуальность, включающая в себя реальное прошлое, настоящее и будущее.

Представляется, что исследование личности во временном аспекте является весьма продуктивным и эвристичным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М., 1976.

[2] *Веккер Л. М.* Психические процессы. Л., 1981. Т. 3. С. 246.

[3] *Каган М. С.* Время как Философская проблема // Вопросы философии. 1982. № 10. С. 123.

[4] *Анохин П. К.* Философский смысл проблемы естественного и искусственного интеллекта // Вопросы философии. 1973. № 6. С. 83–97.

[5] *Пиаже Ж.* Психология интеллекта // Избранные психологические труды. М., 1969. С. 55–231.

[6] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 311.

[7] *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 64.

[8] *Пиаже Ж.* Теория Пиаже // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.): Тексты. М., 1986. С. 234.

[9] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 6.

[10] *Вундт В.* Основы физиологической психологии / Под ред. А. А. Крогиуса и др. СПб., 1908. Вып. III. С. 109–110.

[11] *Сартр Ж.-П.* Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. М., 1984. С. 120–137.

[12] *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1979. С. 37.

[13] *Лакан Ж.* Функция и поле речи в психоанализе. М., 1995.

[14] *Юнг К. Г.* Либидо, его метаморфозы и символы. СПб., 1994.

[15] *Гроф С.* За пределами мозга. М., 1993.

[16] *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1988. С. 175.

[17] *Эриксон Эрик Г.* Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. СПб., 1996.

[18] *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.

[19] *Левин К.* Определение понятия «поле в данный момент» // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М., 1980. С. 131–145.

[20] *Перлз Ф.* Внутри и вне помойного ведра. СПб., 1995.

[21] *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.

[22] *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб., 1997. С. 285.

[23] *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 323.

[24] *Бергсон А.* Две памяти // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М., 1979. С. 71.